

Сяо Чжан из реквизиторского цеха, торопясь с обустройством площадки, пробежал мимо гримерки Бай Муюня и заметил мужчину с ведром краски, который нерешительно топтался у входа. Замедлив шаг, юноша окликнул незнакомца:

— Эй, ты чего тут бродишь?

Мужчина лет тридцати пяти на вид, в очках в черной оправе, выглядел довольно простодушно, хотя тяжелые мешки под глазами выдавали крайнюю степень недосыпа. На левой щеке багровел воспаленный прыщ. Он кротко улыбнулся:

— Я новичок из вашей группы, вот, краску принес.

Пару дней назад старина Ло из реквизиторов приболел и предупредил, что пришлет кого-то вместо себя. Сяо Чжан сразу сообразил:

— А! Так ты двоюродный брат Лао Ло? Ну, пошли за мной.

— Да, это я, — кивнул тот.

Пока они возились с делами, «брат» как бы невзначай поинтересовался:

— А у киноимператора Бая гримерка, кажется, простовата? Он не жалуется?

— Да брось, мы поначалу тоже переживали. Места здесь глухие, одни деревянные лачуги. Еле выкроили ему комнату, да и та продувается насквозь. Когда говорили об этом учителю Баю, все так и ждали, что он взовьется. А он просто ответил: «Не беда, могу и в машине отдохнуть». Первый раз вижу звезду такой величины, которая была бы настолько неприхотлива!

Сяо Чжан вздохнул и добавил:

— Впрочем, он почти всё время проводит с режиссером, в гримерку заглядывает редко.

— И когда же учитель Бай обычно там бывает?

— В обед. Режиссер в это время часто проводит летучки, так что учитель Бай уходит к себе передохнуть.

— Вот оно как...

Сяо Чжан вдруг насторожился и прищурился:

— А тебе зачем столько подробностей? Не вздумай беспокоить учителя Бая. Если нужен автограф — дождись окончания съемок. График сейчас плотный, задачи горят, он выматывается каждый день. Не смей ему докучать!

Тот испуганно замахал руками:

— Да что ты, и в мыслях не было! Так, к слову пришлось.

— Ну то-то же. За работу!

— Иду.

Бай Муюнь открыл iPad и запустил какой-то фильм в качестве фонового шума. С едой он управился за двадцать минут.

После его бесконечных настоятельных просьб Цзинь Фэйфэй наконец согласилась на разговор. Последние несколько дней Муюнь делал вид, что не догадывается о депрессии Лу Яня, и велел Фэйфэй помалкивать, пока они сами всё не обсудят.

Встав из-за стола, он прошелся по комнате и набрал сообщение: «Ты где?»

Цзинь Фэйфэй: «Брат, я в аэропорту города Б».

Бай Муюнь: «Слишком медленно».

Цзинь Фэйфэй: «Ну извините, может, вы сами пожалуетесь в аэропорт, что самолеты не вылетают раньше времени?»

Муюнь мельком глянул на экран — шел фильм с его участием. Он уже потянулся выключить его, как вдруг зазвонил телефон. Посмотрев на имя абонента, он вышел из гримерки, по привычке притворив за собой дверь.

У порога затаился «брат Лао Ло». Прислушавшись к удаляющемуся голосу Бая, он дождался момента, накинул на дверные петли замок и с резким сухим щелчком запер его. В его глазах блеснул безумный восторг.

Бай Муюнь тем временем дошел до берега озера за съемочной площадкой.

— Хорошо, перешли мне снимки, — бросил он в трубку, слушая отчет.

Некоторое время назад он отправил Цзи Бай в город Цяоши с заданием разузнать о прошлом Лу Яня всё, что только возможно. И то, что удалось выяснить, практически один в один совпадало с рассказом Цзян Цзинхуна.

Лу Шэньян действительно лишился рассудка. Действительно зарезал человека прямо на улице.

И Лу Янь действительно был там.

Отец гнался за ним до самой площади.

И всё это время Лу Янь жил под градом проклятий, клеймом «маленького психа» и бесконечными сплетнями, отравляющими каждый его вздох.

Хотя Муюнь был готов к худшему, от подтвержденной правды он почувствовал, как сердце болезненно сжалось, и дыхание перехватило.

Он открыл присланные Цзи Баем фотографии — старые газетные вырезки с репортажами о преступлении Лу Шэньяня. Вглядываясь в строчки снова и снова, он вдруг замер, осознав дату: двенадцатое мая.

Двенадцатое мая — день, когда сам Бай Муюнь покинул Цяоши.

Неужели простое совпадение?

Муюнь опустился на скамью у кромки воды, низко склонив голову. Закрыв глаза, он принялся по крупицам восстанавливать в памяти тот день.

«Я улетаю. Рейс в пять вечера. В пять», — он твердил это каждому встречному, вовсе не надеясь на торжественные проводы. Он просто хотел, чтобы через одноклассников эта весть дошла до Лу Яня.

К тому моменту Янь не появлялся в школе уже неделю.

Муюнь знал, что надеяться не на что, понимал, что не стоит преследовать бывшего возлюбленного, но отчаянно желал увидеть его хотя бы мельком перед отъездом.

После расставания Лу Янь словно испарился. До Бая доходили нелепые слухи, будто Янь сбежал вместе с Цзинь Фэйфэй. Он не хотел верить в этот бред, но то, что Фэйфэй тоже пропала, заставляло сомневаться. Учителя лишь пожимали плечами: «Оба взяли больничный».

Муюнь часами бродил у поворота к дому Лу Яня, но так и не набрался смелости постучать.

На самом деле самолет улетал на полтора часа позже. Он нарочно назвал раннее время, боясь, что Янь не успеет.

Но Лу Янь так и не пришел.

«А если бы я тогда постучал? Был ли он дома? Если бы я просто забрал его с собой, случилось бы всё это?»

Внезапно со стороны съемочной площадки донеслись крики и шум, вырвавшие Муюня из оцепенения. Он вскинул голову и похолодел: в небо взметнулись клубы густого черного дыма, прошитые языками яростного пламени.

Пожар!

Едва Муюнь подбежал к лагерю, как в уши ударил чей-то истошный вопль:

— Режиссер Лу! Режиссер Лу бросился внутрь! Быстрее, тушите!!!

— Режиссер, выходите же, а-а-а-а!

— Людей спасайте! Быстрее!

— В 119 позвонили?!

— Воды, тащите воду!

Всё смешалось в хаосе. Бай Муюнь мертвой хваткой вцепился в плечо кричащего человека. Он побледнел.

— Что ты сказал?! Лу Янь там?!

Тот на мгновение опешил, увидев Муюня, и зарыдал еще громче:

— Режиссер Лу решил, что вы в гримерке! И кинулся в огонь!

Муюнь, не говоря ни слова, вырвал шланг у стоявшего рядом рабочего. Сбросив пиджак, он щедро облил его водой, накинул на голову, а затем окатил себя с ног до головы. Зажав рот и нос, он рванулся к пылающему зданию, но его тут же обхватили за плечи:

— Пламя слишком сильное, нельзя туда!

— Подождите пожарных! Учитель Бай, назад!

— Это верная смерть!!

Бай Муюнь не слышал их. С бешеной силой растолкав людей, он, движимый одним лишь отчаянием, скрылся в дыму.

«Лу Янь не может умереть. Только не он. А если и суждено — то только вместе со мной!»

Больница.

В палате царила тяжелая тишина. На койке неподвижно лежал бледный мужчина. Тёмные ресницы, похожие на изящные веера, застыли на сомкнутых веках. Губы, лишившиеся привычного румянца, были едва приоткрыты; дыхание казалось почти неосязаемым.

Капельница мерно отсчитывала мгновения, отправляя прозрачные капли в синеватую вену на тонком запястье.

Закончив разговор с полицией, Бай Муюнь вернулся в палату. Сев у кровати, он осторожно коснулся кончиков пальцев Лу Яня, не сводя с него глаз.

Пожар не был случайностью. Поджог.

Полицейские уже допросили его, обнаружив на двери гримерки замок. Очаг возгорания находился именно там. Кто-то метил в него, в Бай Муюня.

Его спросили, есть ли у него враги.

Дуань Цянь.

Даже если следствию нужны доказательства, Муюнь был уверен на все сто — это дело рук Дуань Цяня. Чертов безумец.

Если бы не звонок, заставивший его выйти, и не жертвенный порыв Лу Яня, сейчас бы здесь лежал труп.

Бай Муюнь чувствовал, словно сам однажды уже перешагнул черту смерти. Он не боялся за свою жизнь, но внутри него klokотала ярость: этот выродок посмел втянуть Лу Яня.

«Клянусь, я сгною тебя в тюрьме».

— Прости... Это я во всём виноват, — прошептал Муюнь, бережно поглаживая Яня по щеке.

Там, в огненном аду, Муюнь нашел его и уже тащил к выходу, когда сверху с треском обрушилась горящая балка. Лу Янь успел оттолкнуть его, приняв весь удар на спину. Он потерял сознание мгновенно.

Когда приехала скорая, врачам пришлось силой отрывать обезумевшего Муюня от тела Яня.

Ему было страшно. Он смотрел на это безжизненное лицо, на плотно сомкнутые веки, и его сковал ужас. Муюнь дрожал, твердя себе как молитву, что всё будет хорошо, но страх не отпускал.

Он знал вкус смерти. Знал, какая бездна разверзается, когда теряешь того, кого любишь.

Знал, как бесконечно сильно он любит Лу Яня.

Муюнь глубоко вздохнул и накрыл ладонью руку Яня. Он мельком посмотрел на задравшийся рукав, и в памяти всплыли слова врача.

«Ваш друг...» — доктор тогда нахмурился, в его голосе звучала неподдельная тревога и строгость. — «Если у него есть психологические проблемы, советую немедленно обратиться к специалисту. С этим нельзя тянуть, последствия могут быть фатальными».

«Почему вы так решили, доктор?»

«На обоих предплечьях множество следов самоповреждений. Это признак тяжелого расстройства. Близкие должны бить во все колокола, иначе однажды он просто не выдержит и покончит с собой. Будет поздно».

Муюнь осторожно завернул рукав Лу Яня выше локтя. Увидев состояние левой руки, он замер. Он был потрясен, и сердце, казалось, пропустило удар.

На предплечье была вытатуирована маленькая черная собачка — она почти полностью перекрывала шрамы. Издалека рисунок казался просто татуировкой, но вблизи... Годы аутоагрессии оставили после себя густую сеть рубцов. Некоторые из них были старыми, глубокими, нанесенными с пугающей жестокостью, другие — совсем свежими, еще не успевшими затянуться.

Правая рука выглядела почти так же, разве что шрамов было чуть меньше.

Услышав шорох за спиной, Муюнь обернулся.

В дверях застыла Цзинь Фэйфэй. Увидев бледного Лу Яня и его обнаженные руки, она всхлипнула и мгновенно расплакалась.

— Теперь ты расскажешь мне всё? — голос Муюня сорвался на хриплый тремор.

Фэйфэй смахнула слезы, пытаясь собраться с духом.

— Мне нужно место, где нас никто не потревожит.

В закрытой кабинке кафе неподалеку от больницы повисло тягостное молчание. Наконец Цзинь Фэйфэй заговорила:

— Ты любишь его?

— Я должен перед тобой отчитываться? — сухо бросил Муюнь.

Она покачала головой с горькой усмешкой:

— Мне просто нужен четкий ответ. Обещай мне, поклянись чем угодно, что ты никогда, слышишь, никогда его не бросишь.

— Еще одного удара он просто не переживет.

— Обещаю, — твердо ответил Бай Муюнь.

Он открыл галерею в телефоне и протянул устройство девушке. Та в недоумении взяла смартфон, взгляделась в снимок и замерла:

— Что это?

— Моё завещание.

На фото было запечатлено белое полотенце, на котором красными буквами было выведено: всё

имущество и активы после смерти передаются человеку по имени Лу Янь.

<http://bllate.org/book/18159/1759433>